

Кир Булычев

Сказка о репе

Часть сборника
Монументы Марса (сборник)

Кир Булычев

Сказка о репе

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135353
Монументы Марса: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-18314-0*

Аннотация

«Я привез Люцине «полянку». При виде этого подарка Люци села на диван и долго сидела в полном оцепенении. Нет ничего приятнее, как делать подарки. От которых человек цепенеет. Я сел напротив и рассматривал Люцину, преисполненный тщеславия, и ждал, пока она придет в себя, чтобы сообщить мне мои жизненные планы на ближайшие дни...»

Содержание

1	4
2	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Кир Булычев

Сказка о репе

1

Я привез Люцине «полянку». При виде этого подарка Люци села на диван и долго сидела в полном оцепенении. Нет ничего приятнее, как делать подарки. От которых человек цепенеет. Я сел напротив и рассматривал Люцину, преисполненный тщеславия, и ждал, пока она придет в себя, чтобы сообщить мне мои жизненные планы на ближайшие дни.

– Полянка, – сказала Люцина бархатным голосом. Получилось «польбанка» – изящно и нежно.

– А ты знаешь, почему «полянка»? – спросил тогда я.

– Нет. Наверное, потому, что красиво, наверное, потому, что на ней узоры переливаются, как цветы на полянке, как полянка в лесу...

– Ничего подобного. Эту бабочку назвали по имени Теодора Поляновского, Теодора Федоровича, такое вот странное имя.

– Да? – произнесла Люцина рассеянно, поглаживая тонкими длинными пальцами нежнейший ворс «полянки». – Это интересно. Польановский.

Ей это было совершенно неинтересно, она вновь оцепене-

ла, а мне хотелось рассказать Люцине о Поляновском, мне хотелось доказать ей, что Поляновский некрасив, скучен и зануден, неосмотрителен и даже глуп. Что его отличает от прочих смертных удивительная настойчивость, упорство муравья, цепкость бульдога и способность к самопожертвованию ради дела, даже если это для других смертных и яйца выеденного не стоит. Хотя кто может рассудить, что важнее в нашем перепутанном, сложном мире? Хорошо было жить в тихом, провинциальном двадцатом веке, когда все было ясно, Ньютона почитали за авторитет и Евклида изучали в школах, когда люди передвигались с черепашьей скоростью на самолетах, а на маленьких полустанках притормаживали ленивые поезда. Теперь о тихой глади того времени могут лишь мечтать бабушки, а внуки, как и положено внукам, не дослушивают медленных бабушкиных рассказов, убегают, улетают... Наверное, я старею, иначе чего это меня тянет в спокойное прошлое?

2

Поляновский сочетал в себе скорость и решительность нашего времени с настойчивой последовательностью прошлого века. Он идеал, выпавший из времени и чудом державшийся в пространстве.

Меня вызвал к себе начальник шахты Родригес и сказал:

– Ли, к нам приехал гость. Гостю надо помочь. Поведешь его в шахту?

– Поздно, – отказался я. – Со вчерашнего дня шахта закрыта, и ты знаешь об этом лучше меня. Со дня на день пойдет вода.

– Особый случай, Ли, – объяснил Родригес, прикрывая правый глаз. – Познакомься.

И тут я увидел в углу человека, который сидел, сложившись, наверное, втрое, и глядел в землю. Но первое впечатление было обманчивым. Он только ждал момента, чтобы броситься в бой. Он уже сломил нескгибаемого Родригеса и намеревался подавить меня.

– Здравствуйте, – поздоровался он, разгибая один за другим не по размеру подобранные суставы. – Меня зовут Поляновский, Теодор Федорович. Слышали?

Он не сомневался, что я слышал. Я не слышал. В чем и признался.

– А вот я о вас слышал, – выговорил он с некоторой оби-

дой. – Родригес сказал мне, что вы лучший разведчик в шахте, что вы знаете ее как свои пять пальцев. И что вам сейчас нечего делать, правильно?

– Начальнику лучше знать, – сказал я.

– Теперь, когда я вас увидел, я тоже в этом не сомневаюсь, – объявил Теодор голосом экзаменатора. – И я на вас надеюсь.

Я повернулся к Родригесу и изобразил на лице полное недоумение. Этот Теодор мне не понравился. И вообще у меня была свободная неделя, я намеревался съездить в горы.

– Вы слышите, – вещал Теодор, уткнув в меня могучий нос, которому было тесно на узком лице. – Я на вас надеюсь. Вы моя последняя надежда. Родригес почему-то не желает пускать меня в шахту одного.

– Еще чего не хватало, – возразил я. – Вы оттуда живой не выберетесь.

– Я вас предупреждаю, – заявил тогда Теодор, – что все равно пойду в шахту. Хоть один. И если я там погибну, вся ответственность, я имею в виду моральную ответственность, ляжет на вас.

Он извлек из кармана громадную ладонь, отогнул массивный указательный палец, чтобы ткнуть им в Родригеса. И в меня.

– Простите, профессор, – сказал Родригес с не свойственным ему пиететом. – Если бы заранее знать о вашем приезде, мы бы предупредили, что ни в коем случае не даем со-

гласия на спуск в такое время года. Прилетайте к нам через три месяца.

– Мне нечего здесь делать через три месяца, и вы об этом знаете, – заявил Теодор. – Мне нужно побывать в шахте сегодня или завтра.

– Но ведь вода же пойдет! – воскликнул я. Мне стало жалко Родригеса. Он ни в чем не виноват. И позвал меня, чтобы кто-то мог подтвердить, что в шахту спускаться невозможно.

– Я успею, – возразил Теодор. – Я бывал в куда худших переделках. Вы не представляете. И всегда возвращался. Я же на работе.

– Мы все на работе, – сказал я. Родригес перебирал на столе какие-то бумажки. Борьба с Теодором легла на мои плечи.

– Но если я не пойду в шахту, то не состоится открытие.

– У нас в шахте уже все открытия сделаны.

– Да? Что вы понимаете в энтомологии?

– Ничего.

– Тогда как вы можете утверждать, что все открыто?

Он раскрыл папку, зажатую у него под мышкой. Там, между двумя листками прозрачного пластика, лежал, словно великая драгоценность, кусок крыла бабочки. С ладонь, не больше. Он был глубокого синего цвета, но я-то знал, что стоит повернуть его на несколько градусов – и окажется, что он оранжевый, а если повернуть дальше, то он позеленеет, потом вспыхнет червонным золотом.

– Знаете, что это такое? – спросил Теодор.

Мне не нравился его экзаменаторский тон.

– Знаю, – ответил я. – Почему не знать. Это бабочка, ее называют у нас радужницей. И другими именами.

– Вы ее сами видели?

– Сто раз.

– Что вы о ней знаете?

– Ничего особенного. Живет на деревьях.

– Размер?

– Они высоко летают. Ну, до полуметра в размахе крыльев.

– А сколько крыльев?

– Два, четыре? Не считал.

– Восемь, – сказал Родригес, не отрываясь от бумажек. – И шесть пар ног. Мне один раз ребята принесли. Я хотел сохранить, отвезти домой, но моль съела.

– Вы можете мне поймать хотя бы один экземпляр? – спросил профессор.

– Когда же? Сейчас их нет. Будут деревья, будут и бабочки. Поэтому вам и советую приехать через три месяца. Налюбуетесь в свое удовольствие. Только воняют они сильно. Хуже нашатыря.

– Не важно, – отмахнулся Теодор. – Пахнет – не пахнет, какое до этого дело науке, если ни в одной коллекции мира нет целого экземпляра. Если никто не знает жизненного цикла этого существа, если только у меня есть идеи по этому поводу...

– Так зачем же в шахту лезть?

– Послушайте, а вы не задумывались, откуда появляются ваши радужницы?

– Из репы. Откуда же еще?

Мое утверждение ввергло нашего гостя в полную растерянность.

– Вы так думаете? Вы сами догадались или видели?

– Им неоткуда больше браться, – сказал я.

– Тогда пошли в шахту. Мы там найдем куколок.

– И что дальше?

– Дальше? Мы будем разводить радужниц на Земле. Вы знаете, что представляет собой материал, из которого сделаны эти крылья? Это же самый красивый, самый прочный, просто невероятный материал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.